

ISSN 2415-8712 (on-line); ISSN 1682-671X (print)
Shodoznavstvo, 2020, No. 85, pp. 43–68
doi: <https://doi.org/10.15407/skhodoznavstvo2020.85.043>

UDC 94(4):94(5)

**GENERAL TAN SHWE AS A LEADER
AND POLITICAL SYMBOL OF THE CONSERVATIVE
MILITARY ELITE OF BIRMA / MYANMAR**

D. Brodyak

Graduate Student (History)

Kharkiv National University of V. N. Karazin,

Freedom Square, 4, Kharkiv, 61077, Ukraine

harrus777@gmail.com

Under the auspices of a strong traditionalist state in Myanmar, by the time the British arrived, under the influence of Indian and Chinese models, an original political culture had developed that left its mark on all relations of the local society. The search for a patron leader gradually became the basis of Myanmar political culture at all levels of the social hierarchy. During the colonial period, the main bearers of local political culture – traditionalist-minded strata of the Myanmar peasantry – lost major means of institutionalizing their social preferences and, since the liquidation of Myanmar's independence in 1885, have been poorly manifest in the country's legal political field. At the same time, the traditionalist features of Burmese political culture did not disappear under British rule. After the country gained independence, during the successful agrarian reform carried out by the modernist group of General Ne Win in the 1960s, the most backward patriarchal strata of the Burmese peasantry began to intensively adapt to new political and economic practices. The expanding national army during this period was led by a different branch of the post-colonial elite of Burma, which did not have

© 2020 D. Brodyak; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The Oriental Studies*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

a broad European education and was formed in the Burmese hinterland, in the specific conditions of a closed military educational institution – the Academy of Defense Services. In the person of Academy graduates who came to power during the 1988 military coup, traditional Burmese society, squeezed out of the sphere of legal politics in the era of colonialism, for the first time acquired an adequate political representation, taking into account the realities of the present. The personal and political evolution of the leading representatives of the Myanmar conservative elite, in particular, the long-standing head of the military regime of senior general Tang Shwe, who held his post from 1992 to 2011, shown in the article, clearly illustrates the above-described traditionalist turn in the politics of the local ruling elite. It is especially noted that the first generation of Myanmar's military conservatives led by Tan Shwe positions itself more as successors and heirs of the kings of the pre-colonial period, rather than the modest heroes of the national liberation struggle of the 1940s. It is emphasized that, as problems increase in the country, the national elites of Myanmar in their current activities continue to seek the approval of the former leader of the military conservatives, General Tan Shwe, one of the country's most experienced and respected politicians.

Keywords: Myanmar, army, conservatives, modernists, Ne Win, Tan Shwe

Д. А. Бродяк

ГЕНЕРАЛ ТАН ШВЕ КАК ЛИДЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ КОНСЕРВАТИВНОЙ АРМЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ БИРМЫ/МЬЯНМЫ

Сложности и противоречия колониального и постколониального этапа истории развивающихся стран, как в зеркале, отразились в нелегкой судьбе Бирмы (Мьянмы) – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Как известно, после трех войн англичане в 1885 г. сделали страну своей колонией, а до того на мьянманской земле в разные века сменили друг друга три империи, в состав которых входили и части территории современных Таиланда, Китая и Индии.

Под эгидой сильного традиционалистского государства в Мьянме, к моменту прихода англичан, под влиянием индийских и китайских образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения местного общества. Как и в ряде других стран Дальнего Востока, власть в традиционном мьянманском обществе представляла, прежде всего, как способность к покровительству. Поиск лидера-покровителя,

как заметил американский исследователь М. Нэш, постепенно стал основой мьянманской политической культуры на всех уровнях общественной иерархии [Nash 1965, 77–78, 275]. Имевшее хождение в Мьянме со времени средневековья буддийское изречение “народ без лидера разоряется” подтверждает это мнение [Всеволодов 1978, 156–159]. Вместе с тем, власть в мьянманской политической традиции воспринималась также и как способность приказывать и подчинять, требовать безоговорочного исполнения воли. В доколониальный период причастность к власти, исходящей, подобно лучам, из личности монарха, накладывала печать избранности на любого члена государственного аппарата и резко отделяла его от тех, кого не коснулся монарший “свет”. При этом нечеткая разделенность гражданской и военной властей в традиционной Мьянме приводила к тому, что аппарат власти по духу был вполне милитаристским: приказ и подчинение связывали чиновников наподобие офицеров армии [Nash 1965, 275]. Два описанных значения власти в мьянманской политической традиции – покровительственное и авторитарное – логически как будто противоречат друг другу. Однако то, что кажется противоречием с точки зрения логики, в реальности являлось диалектическим союзом двух концепций власти, сочетанием, которое представляло собой необходимый узел традиционной мьянманской политической системы [Агаджанян 1987, 322–323].

В колониальный период эти устоявшиеся представления о политической культуре временно потеряли актуальность и отошли на второй план на фоне того, что традиционная Мьянма оказалась бессильна противостоять натиску европейцев. Главные носители местной политической культуры – патриархально настроенные слои мьянманского крестьянства – лишились основных средств институализации своих общественных предпочтений и с момента ликвидации в 1885 г. независимости Мьянмы слабо проявляли себя в легальном политическом поле страны. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры отнюдь не исчезли и под властью англичан. Их существование в новейший период истории страны очевидно проявилось уже в том, что за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные молодые люди.

Между тем, в сфере практической политики формирующаяся модернистская элита Бирмы, независимо от имеющихся теоретических наработок и помощи извне, неизбежно шла тернистым путем проб и ошибок. Последовавшая после обретения страной независимости в январе 1948 г. попытка лидеров Бирмы вписать национальную экономику в капиталистическую мирохозяйственную систему привела бирманское общество к глубокому кризису. Его истоки уходили еще в колониальный период истории страны, когда традиционалистски настроенные слои местного общества были совершенно дезориентированы принесенными колонизаторами рыночными порядками. После обретения Бирмой независимости эти элементы бирманского социума, недостаточно приспособленные к повсеместно торжествующим рыночным отношениям, составили массовую социальную базу восстания против существующих порядков, которое в марте 1948 г. подняла сформировавшаяся в стране левая контрэлитная группировка – Коммунистическая партия Бирмы [Nash 1965, 134–136].

Имея целью переломить ход гражданского противостояния в Бирме в свою пользу и выйти из кризиса, пришедший к власти после военного переворота 1962 г. командующий бирманской армией генерал Не Вин на протяжении 1963–1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу. Она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период, выведя массы сельского населения из безнадежной долговой кабалы. Обстановка в стране начала стабилизироваться, прежде всего, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства – основной части населения страны. Именно после успешной аграрной реформы, осуществленной группировкой Не Вина в 1960-е гг., наиболее отсталые патриархальные слои бирманского крестьянства стали интенсивно адаптироваться к новым политическим и экономическим практикам. В частности, на протяжении 1960-х – 1970-х гг. бирманские сухопутные войска – самая многочисленная и закаленная в боях с коммунистами и этническими повстанцами часть Вооруженных сил Бирмы – значительно пополнились бывшими сторонниками Коммунистической партии [Козьма 2014, 75–76].

Такое вовлечение в ряды национальной военной элиты массы носителей традиционной политической культуры привело к

существенным изменениям во внутренней структуре самих бирманских Вооруженных сил. Разрастающуюся национальную армию в указанный период возглавило иное ответвление постколониальной элиты Бирмы – не имеющее широкого европейского образования и сформировавшееся в бирманской глубинке, в специфических условиях закрытого военно-учебного заведения. С 50-х гг. XX в. подлинной кузницей кадров независимой Бирмы стала расположенная недалеко от Мандалая, в курортном местечке Мемью (Пьин У Лвине) Академия оборонных служб (Defence Services Academy). Она была основана в 1954 г. в штате Шан, а с 1957 г. находится в Пьин У Лвине. Примечательно, что в местных Вооруженных силах все офицеры изначально делятся на сменяющие друг друга в армейском руководстве наборы (интейки) в военные учебные заведения, прежде всего в АОС. Именно внутри интейков, отмечает российский эксперт П. Н. Козьма, формируются неформальные группы, выдвигающие из своих рядов кандидатов на позиции в армии и на гражданской службе. Как отмечает упомянутый российский исследователь, абсолютное большинство средних и высших командиров бирманской армии, занявшее свои посты в 1960-е – 1980-е гг. и впоследствии возглавившее страну, провело свои молодые годы в стенах Академии. Упомянутый вуз в период независимости Мьянмы стал главным оплотом неофициальной армейской идеологии, согласно которой Татмадо (Вооруженные силы Бирмы) трижды за период независимости удерживали единство распадающейся и страдающей от гражданских конфликтов страны, вставая у власти и наводя порядок. При этом с момента основания Академии ее курсантов традиционно учат, что даже в случае передачи власти в стране гражданским лицам, военные должны быть готовы вовремя вмешаться в политический процесс и в очередной раз не допустить дезинтеграции государства. Поскольку для руководства страной требуются не только навыки управления войсками, но и знание особенностей функционирования гражданских структур, то, как заявлено в официальных документах Академии, здесь готовят не просто будущих офицеров, а прежде всего людей, способных возглавить нацию и управлять государством [Козьма 2014, 52–53]. По сути, Академия оборонных служб представляет

собой многофункциональный учебный центр для подготовки будущей элиты страны.

Неудивительно, что программа обучения в данном учебном заведении включает не только военные дисциплины, но и широкий круг гражданских предметов – как гуманитарных, так и точных наук. Обязательным является изучение английского языка. В распоряжении курсантов – не только большой бассейн и разнообразные спортивные площадки, но и планетарий с телескопом, а также хорошо оснащенные лаборатории для физических и химических опытов.

Военная подготовка в Академии во многом скопирована с учебных программ западных военно-учебных заведений – американского Вест-Пойнта и британского Сандхэрста. Заимствована и система поддержания дисциплины. В ней младшие курсанты в большой степени отданы на попечение старших соучеников, а за самими старшими курсантами присматривают офицеры. Интересно, что разбивка курсантов на три учебных батальона (с 14 взводами в каждом) идет не по родам войск, а по сословной принадлежности курсантов. Каждый из трех батальонов назван в честь знаменитого средневекового царя (Аноратхи, Байиннауна и Аун Зейи). Причем, в батальоне “Аноратха” учатся в основном дети высокопоставленных военных и богатых мьянманцев, а “Байиннаун” и “Аун Зейя” включают выходцев из обычных деревенских семей. При этом, для более образованных и закончивших хорошие школы курсантов “Аноратхи” программа обучения имеет некоторые отличия от учебных курсов в батальонах, предназначенных для детей простолюдинов [Козьма 2014, 88–94].

После выпуска из Академии дальнейшая подготовка офицеров мьянманской армии проводится на Армейских курсах боевой подготовки (Defence Services Combat Force School), где обучаются военные в звании от лейтенанта до майора, в Армейском командно-штабном колледже (Command and General Staff College), предоставляющем годовой курс обучения для майоров и подполковников – одно из условий присвоения звания полковника, а также в Национальном военном колледже (National Defence College), повышающем уровень квалификации полковников (здесь курс обучения также длится один год и включает такие предметы, как

политическое устройство государства, национальные интересы, использование национальных ресурсов, стратегия народной войны и т. п.; окончание Колледжа является одним из условий присвоения звания бригадного генерала и выше) [Кириченко 2011, 97].

Примечательно, что до середины 1990-х гг. в офицерском корпусе Вооруженных сил Мьянмы при продвижении по службе не наблюдалось открытой дискриминации по национальной или религиозной принадлежности. Офицеры, исповедовавшие христианство, назначались на высокие должности в армии. Некоторые офицеры-христиане из народностей качин, кая, чин и др. дослуживались до звания бригадного генерала и выше (мусульмане в армии тоже были, но могли достичь максимум звания майора). Однако к концу 1990-х гг. в Вооруженных силах многое изменилось и в подготовке офицерского состава, и в присвоении званий. Так, с начала 2000-х гг. прекратили набор в армию среди выпускников гражданских высших учебных заведений. Теперь высшее образование для офицерских кадров стало прерогативой только высших военно-учебных заведений, главным из которых безоговорочно стала Академия оборонных служб. В значительно большей степени, чем раньше, важным критерием статуса в армейской среде отныне стала религиозная принадлежность военного. Несмотря на отсутствие официальных ограничений, офицеры-небуддисты (или имеющие жену-небуддистку) на рубеже столетий почти лишились шансов дослужиться до звания старшего майора или занять высокую должность. В какой-то степени упомянутое обстоятельство явилось результатом специфических отношений между расположенными в одном районе буддистскими монастырями и воинскими частями, а также следствием широко распространившегося представления, что связанные с местной Сангхой командир и его супруга являются духовными «отцом и матерью» бойцов подразделения, которые нуждаются в их опеке.

При этом, по установившимся в армии новым неписаным правилам, супруги командиров роты в чине, начиная с майора, обязаны иметь законченное среднее образование, а супруги командиров батальона, в звании от подполковника и старше, должны закончить высшее учебное заведение. Поэтому молодые офицеры теперь выбирают себе невест только среди представительниц среднего класса или образованных слоев общества. Представители

командования часто связаны друг с другом через брачные узы своих детей, причем родственные связи с потомками когда-то оставшихся в Бирме британских офицеров в армейской среде ценятся весьма высоко. Такими родственниками гордятся и, при случае, эту информацию охотно афишируют на публике [Козьма 2014, 200–201].

В этом плане можно констатировать, что армейская элита страны, не исключая и военных консерваторов, осталась едва ли не самым космополитическим сегментом замкнутого и патриархального в основе мьянманского общества.

В то же время стоит отметить, что учитывающая опыт западных военных училищ программа обучения в Академии и других высших военно-учебных заведениях не означала формирования у выпускников этих учебных центров вестернизированного мировоззрения. Поступавшие в них выходцы из деревень и городков глубинных регионов Бирмы отличались резко традиционалистскими взглядами, которые не в силах было поколебать даже современное военное образование. Характерно, что на рубеже XX и XXI вв. мьянманское военное руководство регулярно участвовало в старинных магических обрядах с привлечением потусторонних сил, призванных нейтрализовать политических противников правящей группировки. При этом в подобных церемониях участвовали также и представители модернистского крыла военной элиты, такие как Кхин Ньюнт, инициатор последующей политической либерализации военного режима Мьянмы. В ходе таких обрядов, по сведениям П. Н. Козьмы, именно генерал Кхин Ньюнт переодевался в женское платье (что, кстати, не редкость для многих ритуалов мьянманцев, связанных с поклонением духам-натам) и исполнял роль лидера демократической оппозиции До Аун Сан Су Чжи [Козьма 2014, 214–215].

Как видно из приведенных примеров, даже либерально настроенные представители мьянманской постколониальной элиты никогда не были чужды традиционалистских воззрений; тем более такие взгляды всецело довели в среде выходцев из Академии оборонных служб в 60-е – 80-е гг. XX в. Сам факт создания закрытого военно-учебного заведения как питомника для пополнения властвующей группировки целиком находился в русле традиционных бирманских политических представлений, в рамках

которых аппарат власти противопоставляется всему остальному социуму как особая каста, скрепляемая изнутри собственной идеологией и прочими атрибутами избранности. В лице выпускников Академии традиционное бирманское общество, вытесненное из сферы легальной политики в эпоху колониализма, впервые обрело адекватное, учитывающее реалии современности, политическое представительство. При этом, после подавления опиравшегося на центральные районы страны коммунистического движения, военные кадры, формировавшиеся в данном учебном заведении, в первую очередь выражали интересы патриархальных слоев населения Верхней Бирмы/Мьянмы – региона, который господствовал в стране на протяжении столетий, но с 1885 по 1988 гг. практически не был представлен в правительстве страны.

Во многом благодаря деятельности Академии оборонных служб к концу 1980-х гг. консервативные бирманские военные оказались готовы открыто выступить на политическую арену и вступить в конфликт с находящейся у власти модернистской группировкой генерала Не Вина, чей режим находился в состоянии углубляющегося внутреннего кризиса. Весной и летом 1988 г. отдельные выступления против Не Вина, как уже упоминалось, переросли в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации политического режима [Листопадов, 1997б, 73–74].

На этом фоне очередной раз в истории страны в события вмешалась армия – 18 сентября 1988 г. в Мьянме произошел очередной, после 1962 г., военный переворот. Всю полноту власти сосредоточили в своих руках набравшие силу традиционалисты – консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск мьянманской армии. Для выхода из кризиса и оперативного руководства государством они сформировали фактическое правительство страны – Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Прекратила свое действие Конституция 1974 г. Партия бирманской социалистической программы (ПБСП), поменяв название на Партию национального единства (ПНЕ), перестала быть правящей и единственной. Военные были вынуждены разрешить оппозиции создавать партии. Ведущей из них стала Национальная лига за демократию (НЛД) во главе с Су Чжи и опальными генералами Тин У (бывшим министром обороны) и Аун Джи. НЛД, прежде всего

благодаря авторитету Су Чжи, завоевала подавляющее число мест в парламенте на всеобщих выборах в мае 1990 г., но ГСВЗП сразу же после выборов заявил, что передача власти гражданскому правительству невозможна до разработки и утверждения новой Конституции [Листопадов 1997а, 108–109].

Однако впервые собравшаяся в январе 1993 г. Национальная конституционная конвенция работала над новым Основным законом чрезвычайно медленно и с большими перерывами, что в итоге привело к консервации в стране на длительный срок прямого военного правления. При этом, в отличие от городов, с конца 1980-х гг. попавших под влияние мьянманской оппозиции во главе с Национальной Лигой за Демократию, сельское население страны еще в предшествующий период, в правление генерала Не Вина (1962–1988 гг.), было взято военными властями Бирмы/Мьянмы под плотный политический контроль [Агаджанян 1989, 120]. Успешное подавление волнений 1988 г. мьянманскими военными во многом объяснялось именно тем обстоятельством, что деревенское население Мьянмы, хотя и симпатизировало оппозиции (как показали выборы 1990 г.), в целом не подвергало сомнению право армии на власть над страной. Особенно широкой поддержкой свергнувшие режим Не Вина военные консерваторы пользовались на своей “малой родине” – среди патриархального населения традиционалистски настроенной мьянманской глубинки.

Поэтому неудивительно, что предложенная новыми властями Мьянмы в середине 1990-х гг. комплексная программа выхода из кризиса и последующего развития страны целиком находилась в русле традиционной мьянманской политической культуры. В каждом ее блоке определялось по 4 цели – явная переключка с “четырьмя благородными истинами” буддизма (существует страдание; существует причина страдания – желание; существует прекращение страдания – нирвана; существует путь, ведущий к прекращению страдания – Восьмеричный путь), а сами 3 блока правительственной программы соотносились с “тремя драгоценностями” буддийского учения – Буддой, Дхармой и Сангхой. Как видно, этот своеобразный кодекс модернизации и развития делал акцент на общегосударственных задачах, закрепляя за государством привычные для доколониальной Мьянмы патерналистские

функции [Листопадов 1997б, 65]. О правах и свободах личности в нем практически ничего не говорилось.

Реализуя на практике покровительственные функции традиционного государства, правящие военные сохранили в стране обширный (хотя и крайне неэффективный) государственный сектор экономики, ликвидация которого могла привести к обвальному росту безработицы и переходу ключевых отраслей под контроль иностранного капитала. Именно с помощью перераспределения средств внутри этого сектора даже после введения Западом в 1997 г. масштабных санкций против военного режима Мьянмы властям удалось сохранить “социальные”, низкие цены на коммунальные услуги, электроэнергию, почту, некоторые виды транспорта. В условиях ренессанса традиционной политической культуры новое дыхание по всей стране на рубеже XX и XXI вв. получила публичная благотворительность (строительство и ремонт школ, больниц, дорог, буддийских пагод и монастырей, погребение неимущих и т. п.) влиятельных людей по отношению к своим землякам, проживающим на “малой родине” донаторов [Taylor 2009, 467–469].

Необходимо особо подчеркнуть, что, с точки зрения господствующей буддийской этики, любая власть считается в Мьянме доброй и справедливой только в том случае, если правящая верхушка сполна отдает дань уважения основным хранителям добродетели на земле – Сангхе и буддийскому учению [Агаджанян 1987, 329]. Влияние религиозных представлений в рамках реанимируемой традиционной политической культуры закономерно привело к тому, что после прихода к власти в 1988 г. новое военное правительство Мьянмы поставило заботу об укреплении и распространении буддизма на уровень особых приоритетов государства и при этом пересмотрело буддийскую доктрину и практику с националистической точки зрения. Руководство страны на протяжении двух с лишним десятилетий, начиная с 1988 г., пыталось сформировать основанный на буддизме общественный консенсус, когда государство, Сангха и простой народ говорят на одном языке, делая особый акцент на традиционной праведности и моральности мьянманцев по сравнению с западными нациями [Цеханова 2006, 360]. Такое обращение к буддизму со стороны

правлящих консерваторов обеспечивало им поддержку со стороны традиционалистски настроенных слоев буддийского большинства населения и в числе прочих мер укрепляло власть обновленной мьянманской элиты, легитимизируемую в сознании народа независимо от новой Конституции и назревшей демократизации внутренних порядков.

Личная и политическая эволюция ведущих представителей мьянманской консервативной элиты, в частности многолетнего главы военного режима старшего генерала Тан Шве, занимавшего свой пост с 1992 по 2011 гг., наглядно иллюстрирует вышеописанный традиционалистский поворот в политике местной правящей верхушки.

Тан Шве практически всю свою жизнь посвятил армии. Родился он 87 лет назад, 2 февраля 1933 г., в городе Чаусхе, расположенном в срединной части страны, которая традиционно являлась оплотом патриархально настроенных слоев мьянманского общества. После окончания средней англо-бирманской школы Тан Шве непродолжительное время работал почтовым служащим в городе Мейтхила. В 1953 г. молодой почтовый работник поступил на офицерские курсы, по окончании которых прошел все ступени армейской карьерной лестницы: последовательно был командиром взвода, роты, батальона, дивизии. Как специалисту в области психологической войны, Тан Шве пришлось поехать по стране, неоднократно бывать в горячих точках полыхающей в Бирме гражданской войны. Будущий лидер военных консерваторов принимал активное участие в боевых действиях против повстанцев в Каренской и Шанской национальных областях и в Центральном административном округе. Воевать ему приходилось не только с этническими сепаратистами, но и с коммунистами.

Тем временем, карьера Тан Шве сделала резкий скачок в начале 80-х гг. прошлого века. В 1981 г. он избирается членом ЦК правящей Партии бирманской социалистической программы (ПБСП). Затем становится командующим Юго-западным военным районом. В 1988 г. – году революционных потрясений, он уже занимает посты первого заместителя начальника Генштаба Вооруженных сил и заместителя министра обороны, избирается членом ЦИК ПБСП.

Генерал Тан Шве принял самое активное участие в событиях переворота 18 сентября 1988 г., когда вся полнота власти в Мьянме перешла в руки консервативно настроенных высших офицеров. Он стал первым заместителем председателя Госсовета, занимая, помимо этого, посты командующего сухопутными войсками и заместителя главнокомандующего Вооруженных сил. В 1990 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

В это время здоровье председателя Госсовета старшего генерала Со Мауна не выдержало груза ответственности управления страной в чрезвычайной ситуации. В апреле 1992 г. Со Маун был вынужден уйти в отставку. Власть плавно перешла к его заместителю генералу Тан Шве. Одновременно он унаследовал посты премьер-министра, министра обороны, главнокомандующего и начальника Генштаба Вооруженных сил. Через год Тан Шве получил высшее воинское звание старшего генерала [Листопадов 2003, 62–63].

При этом, исходя из привычных представлений, генерала Тан Шве трудно было считать типичным диктатором – он не стремился выделиться, никогда не упивался властью и не демонстрировал своего всеислия. Еще в молодости, будучи инструктором по психологической войне в Центральном политическом колледже в Янгоне, а также увлеченным шахматистом, У Тан Шве стал известен как спокойный, хладнокровный военный, всегда просчитывающий свои действия и резко контрастирующий со своим вспыльчивым начальником генералом Не Вином. Сам его приход к власти совершился буднично. Она досталась ему не через бурную предвыборную кампанию в парламент, как У Ну, и не в результате решительного военного переворота, как Не Вину и Со Мауну. Впервые в новейшей истории страны Тан Шве стал главой государства и правительства как заместитель ушедшего в отставку лидера [Mya Maung 1992, 87].

После назначения на пост лидера Тан Шве провел серию секретных заседаний Кабинета министров. Их неофициально называли “нья кьяунг”, или “ночная школа”, потому что они проходили ночью. На этих встречах генерал Тан Шве, как сообщается, принимал важные, но осторожные и взвешенные решения относительно курса страны и Вооруженных сил. Неудивительно, что

после того, как Госсовет возглавил Тан Шве, военная администрация стала проводить более умеренную и гибкую политику. В январе 1993 г. было созвано совещание по выработке основ новой Конституции. Начался трудный диалог с До Аун Сан Су Чжи, с которой в июле 1995 г. сняли домашний арест. Понимая важность добрых отношений с соседями Мьянмы, Тан Шве стал добиваться вступления страны в АСЕАН, которое состоялось в 1997 г. Также он разрешил работать в Мьянме таким международным организациям, как “Международный комитет Красного Креста” и “Международная амнистия”.

При этом главное достижение, которое консервативные военные, в том числе Тан Шве, ставят себе в заслугу, – это замирение почти со всеми повстанческими организациями национальных меньшинств. Хотя данное примирение до сих пор носит хрупкий характер, невозможно отрицать, что обстановка на национальных окраинах в правление военных консерваторов существенно стабилизировалась. Другим важным приоритетом старшего генерала стало обеспечение необратимости рыночных преобразований и свободы для частного бизнеса. Благодаря его курсу на открытость и экономическую либерализацию наблюдалось определенное оживление хозяйственной жизни в Мьянме [Листопадов 2003, 64].

Важным аспектом деятельности нового военного руководства во главе с Со Мауном и его заместителем Тан Шве стала военная реформа. Еще в 1989 г. были созданы отдельные должности главнокомандующих и начальников штабов сухопутных войск, ВВС и ВМС, подотчетные Генеральному штабу (Объединенному комитету начальников штабов ВС). Им подчиняются командиры дивизий в звании бригадных генералов. Уровнем выше стоят командующие военными районами (региональными военными командованиями, эквивалентом армейских корпусов в западных терминах) в звании генерал-майоров. Последние находятся в подчинении начальников 6 Бюро специальных операций (эквивалентом полевых армий) в звании генерал-лейтенанта.

Существенно отметить, что предпринятое Тан Шве в 1997 г. преобразование ГСВЗП в Государственный совет мира и развития (ГСМР) не было простым переименованием военного правительства страны: оно сопровождалось разделением высшего военного

руководства и министерских функций (только сам старший генерал Тан Шве одновременно остался министром обороны). Последние отныне стали поручаться старшим офицерам из военных районов и пехотных дивизий (в званиях генерал-майоров, бригадных генералов и полковников), причем ротация министров и их замов стала происходить более активно. В связи с упомянутым реформированием структуры военной верхушки в состав высшего руководства в рамках ГСМР наряду с генералами – командующими военными районами (региональными военными командованиями) – вошли и руководящие последними начальники Бюро специальных операций [Кириченко 2011, 91–97].

В целом, Госсовет под руководством Тан Шве проводил достаточно взвешенную и прагматичную политику, направленную на стабилизацию положения в стране [Листопадов 1997б, 67]. В то же время старший генерал показал, что при необходимости может жестко тасовать даже сплоченную военную элиту Мьянмы. Так, в конце 2001 г. в правящей верхушке произошла масштабная реорганизация, коснувшаяся всех властных структур государства – Госсовета, Кабинета министров и корпуса командующих военными районами. Из состава Госсовета были выведены шесть его членов, то есть почти треть [Aung Zaw 2005]. “Младшее звено” членов ГСМР (начальники БСО) было обновлено позднее, в ходе перестановок 2007–2008 гг.

Первое время после переворота 1988 г. считалось, что за спиной нового руководства страны стоит фигура генерала Не Вина, который якобы оказывал решающее влияние на принятие решений. Генерал Со Маун не отрицал, что он с уважением относится к Не Вину как к одному из основателей Вооруженных сил. При Тан Шве роль Не Вина сошла на нет, особенно после подавления выступления его сторонников в 2002 г. После разгрома этого заговора мьянманских модернистов вся полнота ответственности за будущее Мьянмы легла на плечи генерала Тан Шве и его консервативных соратников. Надо сказать, им долго не удавалось достичь компромисса с находящимся под домашним арестом новым лидером модернистов Аун Сан Су Чжи – старший генерал и его коллеги длительное время рассматривали последнюю как марионетку в руках западных демократий, которой нельзя доверять судьбы страны. Только к концу первого десятилетия XXI в. Тан

Шве разглядел в фигуре дочери генерала Аун Сана самостоятельного политического игрока и задумался о возможном соглашении с Су Чжи и возглавляемой ею элитной группировкой – тем более, что сам генерал Тан Шве не раз признавал неестественным слишком долгое пребывание армии у власти [Aung Zaw 2018].

Другое важное решение Тан Шве – о переносе столицы страны в центральную Мьянму (происходившем в несколько этапов с ноября 2005 г.), на первый взгляд, было спорным, но веско мотивировалось стратегическими соображениями: Янгон слишком уязвим для нападения с моря. В конечном счете, Нейпидо (“Столица царей”) после демократизации военного режима стал местом регулярных визитов иностранных чиновников, в том числе президента США Барака Обамы, и местом проведения национальных и международных конференций. Город получил признание как среди простых мьянманцев, так и в среде национальной элиты. Так, Аун Сан Су Чжи в 2016 г. купила в новой столице Мьянмы более 90 акров земли для благотворительной организации, которую она основала в честь своей покойной матери. Несколько политиков, в том числе бывший президент страны Тхин Чжо и его жена, также построили дома в этом городе.

Однако для правящей консервативной элиты Мьянмы город имеет значение, прежде всего, как военная столица страны, центр руководства Вооруженными силами, то есть на первый план ими выносятся древний, традиционалистский аспект столичных функций. Ежегодно в День Вооруженных сил, 27 марта, в Нейпидо проводится военный парад, который до 2011 г. неизменно принимал старший генерал Тан Шве. Представители всех родов войск под звуки военных маршей, в том числе японских, в красивой парадной форме маршируют мимо огромных статуй трех наиболее почитаемых царей-полководцев – Аноратхи, Байиннауна и Алаунпайи (Аун-Зейи). “Мы должны быть достойными наследниками традиций армии, созданной нашими великими царями...” – сказал в своей речи Тан Шве, принимая парад в 2006 г. [Симония 2011, 302].

Характерно, что руководимое Тан Шве первое поколение военных консерваторов Мьянмы позиционировало себя скорее в качестве преемников и наследников царей доколониального периода, нежели скромных героев национально-освободительной

борьбы 1940-х гг. В частности, роскошь, которой окружили себя представители властвующей элиты в период правления Тан Шве, вполне можно сравнить с обстановкой доколониального царского двора. Об этом можно судить по появившемуся в Интернете в ноябре 2006 г. видеофильму, снятому на поражающей своей пышностью и богатством свадьбе младшей дочери Тан Шве с майором Вооруженных сил. Тогда же распространились разговоры о царских амбициях Тан Шве, который якобы хочет учредить новую правящую династию, тем более что бирманские цари в прошлом начинали свое царствование, как правило, со строительства новой столицы [Симония 2011, 301].

При этом, в отличие от предыдущих модернистских правителей Мьянмы, действуя в глубоко религиозном обществе, правительство Тан Шве, как уже отмечалось, стало уделять особенно большое внимание покровительству Сангхе и буддийской религии. Сам генерал всегда позиционировал себя как преданного буддиста. Однажды в интервью он назвал себя “солдатом и буддистом”. Буддийская медитация, по его словам, помогала лидеру Мьянмы в любых ситуациях сохранять выдержку и спокойствие. Лицо его всегда носило невозмутимое и даже бесстрастное выражение. Говорили, что он никогда не повышает голос. Как верующий человек, Тан Шве не курит и не употребляет алкоголь. Неприятие этих вредных пристрастий характерно и для многих других мьянманских офицеров-традиционалистов. Как отмечают наблюдатели, старший генерал ценит юмор, любит бирманские пословицы. Телесное здоровье он поддерживает игрой в гольф – традиционный вид спорта бирманской элиты еще с колониальных времен. Генерал хорошо владеет английским языком, а в начале XXI в. овладел навыками работы с персональным компьютером. Интервью журналистам, за редкими исключениями, он практически не дает.

При этом Тан Шве – примерный семьянин, у него восемь детей: три сына и пять дочерей. Он женат на этнической па-о (представительнице народности, близкой к каренам), До Кхин Кхин, и этот факт помогал старшему генералу находить общий язык с лидерами национальных меньшинств. Многие друзья, которые знали их в 1970-х – 1980-х гг., вспоминают, что семья Тан Шве в то время вела необычайно скромный образ жизни. При

этом, как и многие другие патриархально настроенные жители Мьянмы, генерал и его жена нередко обращались за советом к астрологам и монахам [Листопадов 2003, 64–65].

Буддизм и семейное благополучие помогали старшему генералу выдерживать сильное внешнеполитическое давление и преодолевать внутриэлитные противоречия. Руководить генерал всегда стремился на основе консенсуса ведущих представителей элиты. В частности, уже к середине 1990-х гг. в мьянманской элите сложился своеобразный триумvirат, оттеснивший от власти всех прочих членов ГСВЗП и включающий самого старшего генерала Тан Шве, его заместителя генерала Маун Эя и первого секретаря Госсовета, руководителя спецслужб генерала Кхин Ньюнта. Помимо безусловного расширения полномочий лидера военных консерваторов, новая конфигурация военной верхушки укрепила позиции генерала Маун Эя, так как командующие военных районов, входящие в состав ГСМР, были ближе к нему, чем к Кхин Ньюнту (разведка на тот момент была фактически автономной структурой в составе Вооруженных сил). Теперь во власти были две основные группировки – старших интейков АОС во главе с Маун Эем и младших интейков, группирующихся вокруг Кхин Ньюнта; Тан Шве играл по отношению к ним роль третейского судьи. Их сферы влияния жестко разграничивались: Маун Эй координировал вопросы, связанные с обороной и бизнесом, а Кхин Ньюнт – внутреннюю безопасность, образование, культуру, развитие пограничных районов и здравоохранение (до своего ареста в октябре 2004 г.). После падения Кхин Ньюнта по приказу Тан Шве военная разведка была полностью реорганизована: большинство ее сотрудников, выражавших модернистские взгляды, были уволены, а саму разведку интегрировали в структуру военных районов и лишили автономии. Не любивший пустот во власти, новым противовесом Маун Эю старший генерал сделал генерал-лейтенанта Туру Шве Мана, ставшего в 2003 г. начальником Генерального штаба (Объединенного комитета начальников штабов) и со временем получившего статус “номера третьего” в иерархии военного режима [Кириченко 2011, 85]. Среди других видных консерваторов из окружения старшего генерала, по словам западных дипломатов, в первом десятилетии

XXI в. выделялись генерал-лейтенанты Маун Бо и Е Мьинт, а также многолетний министр промышленности, отставной генерал и богатый бизнесмен Аун Тан [Симония 2011, 298–299]. Последний долгие годы являлся одним из неформальных лидеров влиятельной среди консерваторов группировки “хардлайнеров” (hardliners) – гражданских и военных сторонников жесткой линии во внутренней и внешней политике, с которыми вынуждены считаться и сам старший генерал, и все лидеры интейков Академии оборонных служб.

Долгое время наблюдатели полагали, что после грядущей отставки Тан Шве лидером Мьянмы станет заместитель старшего генерала Маунг Эй, заслуженный боевой генерал. Но он так и остался в тени председателя Государственного совета мира и развития (как и перспективный генерал Тура Шве Ман, которого тоже видели в роли нового национального лидера). В марте 2011 г. президентом Мьянмы стал представитель следующего поколения военных консерваторов, всецело преданный ушедшему в отставку старшему генералу его бывший адъютант Тейн Сейн [Aung Zaw 2005].

После выхода в отставку бывший лидер военного режима, тем не менее, продолжает следить за политической ситуацией в стране. Он читает прессу, ежедневно следит за новостями и проводит встречи с влиятельными людьми. Тан Шве до сих пор подвергается обструкции со стороны западного истеблишмента, но пользуется большим уважением среди своих бывших подчиненных – как из консервативной, так и из модернистской фракций национальной элиты [Aung Zaw 2018].

Так, лидер либерального крыла национальной элиты Аун Сан Су Чжи еще в 1990-е гг. встречалась с Тан Шве в безуспешной попытке договориться о политическом урегулировании. После его отставки они провели еще несколько конфиденциальных раундов переговоров. Первая такая встреча, как уже говорилось, произошла в начале декабря 2015 г., вскоре после того, как Национальная лига за демократию одержала победу на всеобщих выборах. По информации мьянманских источников, в ходе переговоров отставной старший генерал, в частности, одобрил создание должности государственного советника, позволяющей Су Чжи управлять государством, не нарушая Конституции 2008 г.

По некоторым данным, незадолго до того, как Тхин Чжо – креатура лидера НЛД – в марте 2018 г. по состоянию здоровья подал в отставку с поста президента Мьянмы, старший генерал и глава новой правящей партии снова провели несколько встреч в резиденции Тан Шве. Как и ранее, данные контакты были неофициальными и, по информации П. Н. Козьмы, на них обсуждались поправки к Конституции и предстоящая смена главы государства. Вскоре после этих переговоров другой представитель НЛД, председатель нижней палаты парламента У Вин Мьинт стал новым президентом страны, а Аун Сан Су Чжи осталась государственным советником.

Другие важные контакты Тан Шве за последние годы касались продвижения общенационального мирного процесса – важнейшего политического приоритета как бывшего военного руководства, так и государственного советника Аун Сан Су Чжи. Так, в конце 2016 г. генерал встречался с генералом Со Муту Сай По, лидером Каренского национального союза, влиятельной этнической повстанческой группировки на юго-востоке страны. Летом 2018 г. бывший военный лидер принимал у себя в резиденции этнических лидеров народа па-о; во время встречи он выразил обеспокоенность в связи с боестолкновениями в штате Шан, где возобновилась борьба между повстанческими группировками.

Помимо контактов с представителями национальных элит Мьянмы, Тан Шве в последнее время также принимал посланцев от важного иностранного союзника страны – Китая. Так, он провел неожиданную встречу с Сун Тао, главой Отдела международных связей Коммунистической партии Китая, во время второй официальной поездки последнего в Мьянму в августе 2017 г. Данные переговоры состоялись непосредственно в резиденции Тан Шве, что свидетельствует о его сохраняющемся авторитете не только внутри страны, но и за границей [Aung Zaw 2018].

Пока еще рано говорить о том, связаны ли эти недавние встречи У Тан Шве с приближающимися всеобщими выборами 2020 г. Известно, что на данный момент старший генерал дистанцируется от бывшей правящей Союзной партии солидарности и развития, которую он в свое время создавал вместе с ее высшими лидерами. Об охлаждении в отношениях генерала и партии военных

консерваторов, в частности, свидетельствует тот факт, что в августе 2018 г. ряд отставных военных подали заявки на создание новой, конкурирующей с СПСР, политической организации – Демократической партии национальной политики. С этой целью экс-министры и генералы У Со Маун и У Лун Маун обратились в Союзную избирательную комиссию. При этом, по данным мьянманских источников, У Со Маун близок как к У Тан Шве, так и к Тура Шве Ману, бывшему спикеру нижней палаты парламента, а ныне – близкому союзнику Аун Сан Су Чжи [Aung Zaw 2018]. При этом сам Тура Шве Ман в феврале 2019 г. подал заявку на создание собственной политической организации – Партии служения на благо Союза, также объединяющей отставных военнослужащих [San Yamin Aung 2019].

Создание сразу двух “военных” политических партий – электоральных соперников Союзной партии солидарности и развития – способно перекроить все политическое поле страны и свидетельствует о намерениях бывшего военного лидера страны усложнить созданную при его участии гражданскую политическую систему Мьянмы, сократить в ней влияние крайних консерваторов из СПСР.

Все еще относительно здоровый в свои 87 лет (на обед он ест в основном только рисовый суп и всячески избегает тяжелой еды), Тан Шве, находясь за кулисами, продолжает влиять на политические события.

В целом, несмотря на серьезнейшее преобразование мьянманского общества в период колониализма, события показали, что традиционная политическая культура страны отнюдь не исчезла и под властью англичан. Ее носители – патриархально настроенные слои бирманского общества – со временем обрели свое институциональное выражение в лице выпускников главного военного вуза страны – Академии оборонных служб, которые в ходе военного переворота 1988 г. вышли на историческую арену. По мере нарастания проблем в стране неудивительно, что национальные элиты Мьянмы в своей текущей деятельности продолжают искать одобрения бывшего лидера военных консерваторов генерала Тан Шве – одного из самых опытных и авторитетных политиков страны.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // **Государство в докапиталистических обществах Азии**. Москва, 1987.

Агаджанян А. С. **Бирма: крестьянский мир и государство**. Москва, 1989.

Всеволодов И. В. **Бирма: религия и политика (буддийская сангха и государство)**. Москва, 1978.

Козьма П. Н. **Наш человек в Мьянме**. Москва, 2014.

Кириченко А. Е. Роль вооруженных сил во внутривластной жизни Мьянмы // **Мир цвета хаки. Вооруженные силы в системе государственной власти**. Москва, 2011.

Листопадов Н. А. У Не Вин // **Вопросы истории**, 1997, № 11.

Листопадов Н. А. Мьянма: непростое время перемен // **Мировая экономика и международные отношения**, 1997, № 1.

Листопадов Н. А. Мьянма. “Солдат-буддист” // **Азия и Африка сегодня**, 2003, № 6.

Симония А. А. Властвующая военная элита в Мьянме // **Элиты стран Востока** / Под ред. А. Ю. Другова, Н. П. Малетина, О. В. Новаковой. Москва, 2011.

Цеханова Л. В. Политика ГСМР в религиозном вопросе // **Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития**, 2006, № 9.

Aung Zaw. Than Shwe – Man in the Iron Mask // **The Irrawaddy**, 2005. Vol. 13, No. 2. URL: http://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=4428 (дата обращения: 15.12.2019).

Aung Zaw. U Than Shwe Shows His Hand // **The Irrawaddy**. 3 December, 2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/opinion/commentary/u-shwe-shows-hand.html> (дата обращения: 18.12.2019).

Mya Maung. **Totalitarianism in Burma: Prospects for Economic Development**. New York, 1992.

Nash M. **The Golden Road to Modernity**. Chicago, 1965.

San Yamin Aung. Ex-General U Shwe Mann Registers New ‘Union Betterment Party’ // **The Irrawaddy**. 5 February, 2019. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/ex-general-u-shwe-mann-registers-new-union-betterment-party.html> (дата обращения: 20.12.2019).

Taylor R. H. **The State in Myanmar**. Singapore, 2009.

REFERENCES

Agadzhanyan A. S. (1987), “Gosudarstvo i traditsionnaya politicheskaya kul'tura Birmy”, *Gosudarstvo v dokapitalisticheskikh obshchestvakh Azii*, Nauka, Moscow, pp. 319–30. (In Russian).

Agadzhanyan A. S. (1989), *Birma: krest'yanskiy mir i gosudarstvo*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Vsevolodov I. V. (1978), *Birma: religiya i politika (buddiyskaya sangkha i gosudarstvo)*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Koz'ma P. N. (2014), *Nash chelovek v M'yanme*, Algoritm, Moscow. (In Russian).

Kirichenko A. E. (2011), “Rol' vooruzhennykh sil vo vnutripoliticheskoy zhizni M'yanmy”, *Mir tsveta khaki. Vooruzhennyye sily v sisteme gosudarstvennoy vlasti*, Tsentr AST, Moscow, pp. 79–99. (In Russian).

Listopadov N. A. (1997), “U Ne Vin”, *Voprosy istorii*, No. 1, pp. 56–78. (In Russian).

Listopadov N. A. (1997), “M'yanma: neprostoye vremya peremen”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, No. 1, pp. 108–17. (In Russian).

Listopadov N. A. (2003), “M'yanma. ‘Soldat-buddist’”, *Aziya i Afrika segodnya*, No. 6, pp. 62–5. (In Russian).

Simoniya A. A. (2011), “Vlastvuyushchaya voyennaya elita v M'yanme”, in A. Yu. Drugov, N. P. Maletin, and O. V. Novakova (eds), *Elity stran Vostoka*, Klyuch-S, Moscow, pp. 286–306. (In Russian).

Tsekhanova L. V. (2006), “Politika GSMR v religioznom voprose”, *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, Moscow, No. 9, pp. 359–69. (In Russian).

Aung Zaw (2005), “Than Shwe – Man in the Iron Mask”, *The Irrawaddy*, 02.2005, Volume 13, No. 2, available at: www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=4428 (accessed 15.12.2019).

Aung Zaw (2018), “U Than Shwe Shows His Hand”, *The Irrawaddy*, 03.12.2018, available at: www.irrawaddy.com/opinion/commentary/u-shwe-shows-hand.html (accessed 18.12.2019).

Mya Maung (1992), *Totalitarianism in Burma: Prospects for Economic Development*, Paragon House, New York.

Nash M. (1965), *The Golden Road to Modernity*, John Wiley & Sons Inc., Chicago.

San Yamin Aung (2019), “Ex-General U Shwe Mann Registers New ‘Union Betterment Party’”, *The Irrawaddy*, 05.02.2019, available at: www.irrawaddy.com/news/burma/ex-general-u-shwe-mann-registers-new-union-betterment-party.html (accessed 20.12.2019).

Taylor R. H. (2009), *The State in Myanmar*, Institute of Southeast Asian Studies, Singapore.

Д. А. Бродяк

ГЕНЕРАЛ ТАН ШВЕ ЯК ЛІДЕР І ПОЛІТИЧНИЙ СИМВОЛ КОНСЕРВАТИВНОЇ АРМІЙСЬКОЇ ЕЛІТИ БІРМИ/М'ЯНМИ

Під егідою сильної традиціоналістської держави в М'янмі, до моменту приходу англійців, під впливом індійських і китайських зразків склалася самобутня політична культура, яка наклала відбиток на всі відносини місцевого суспільства. Пошук лідера-покровителя поступово став основою м'янманської політичної культури на всіх рівнях суспільної ієрархії. У колоніальний період головні носії місцевої політичної культури – традиціоналістськи налаштовані верстви м'янманського селянства – позбулися основних засобів інституалізації своїх громадських переваг і з моменту ліквідації в 1885 р. незалежності М'янми досить слабо проявляли себе в легальному політичному полі країни. У той же час традиціоналістські риси бірманської політичної культури аж ніяк не зникли і під владою англійців. Після здобуття країною незалежності, в ході успішної аграрної реформи, здійсненої модерністським угрупованням генерала Не Віна в 1960-ті рр., найбільш відсталі патріархальні шари бірманського селянства стали інтенсивно адаптуватися до нових політичних і економічних практик. Зростаючу національну армію в зазначений період очолило інше відгалуження постколоніальної еліти Бірми – яке не мало широкої європейської освіти і сформувалося в бірманській глибинці, в специфічних умовах закритого військово-навчального закладу – Академії оборонних служб. В особі випускників Академії, які прийшли до влади в ході військового перевороту 1988 р., традиційне бірманське суспільство, витіснене зі сфери легальної політики в епоху колоніалізму, вперше знайшло адекватне політичне представництво, яке враховує реалії сучасності. Показана в статті особиста і політична еволюція провідних представників м'янманської консервативної еліти, зокрема, багаторічного голови військового режиму старшого генерала Тан Шве, який обіймав свою посаду з 1992 по 2011 рр., наочно ілюструє вищепописаний традиціоналістський поворот у політиці місцевої правлячої верхівки. Особливо наголошується, що кероване

Тан Шве перше покоління військових консерваторів М'янми позиціонує себе скоріше як наступників і спадкоємців царів доколоніального періоду, ніж скромних героїв національно-визвольної боротьби 1940-х рр. Підкреслюється, що у міру наростання проблем у країні національні еліти М'янми у своїй поточній діяльності продовжують шукати схвалення колишнього лідера військових консерваторів генерала Тан Шве – одного з найдосвідченіших і авторитетних політиків країни.

Ключові слова: М'янма, армія, консерватори, модерністи, Не Він, Тан Шве

Д. А. Бродяк

ГЕНЕРАЛ ТАН ШВЕ КАК ЛИДЕР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ КОНСЕРВАТИВНОЙ АРМЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ БИРМЫ/МЬЯНМЫ

Под эгидой сильного традиционалистского государства в Мьянме, к моменту прихода англичан, под влиянием индийских и китайских образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения местного общества. Поиск лидера-покровителя постепенно стал основой мьянманской политической культуры на всех уровнях общественной иерархии. В колониальный период главные носители местной политической культуры – традиционалистски настроенные слои мьянманского крестьянства – лишились основных средств институализации своих общественных предпочтений и с момента ликвидации в 1885 г. независимости Мьянмы слабо проявляли себя в легальном политическом поле страны. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры отнюдь не исчезли и под властью англичан. После обретения страной независимости, в ходе успешной аграрной реформы, осуществленной модернистской группировкой генерала Не Вина в 1960-е гг., наиболее отсталые патриархальные слои бирманского крестьянства стали интенсивно адаптироваться к новым политическим и экономическим практикам. Разрастающуюся национальную армию в указанный период возглавило иное ответвление постколониальной элиты Бирмы – не имеющее широкого европейского образования и сформировавшееся в бирманской глубинке, в специфических условиях закрытого военно-учебного заведения – Академии оборонных служб. В лице выпускников Академии, пришедших к власти в ходе военного переворота 1988 г., традиционное бирманское общество, вытесненное из сферы легальной политики в эпоху колониализма, впервые обрело адекватное, учитывающее реалии современности, политическое представительство. Показанная в статье личная и политическая эволюция ведущих представителей мьянманской консервативной

элиты, в частности многолетнего главы военного режима старшего генерала Тан Шве, занимавшего свой пост с 1992 по 2011 гг., наглядно иллюстрирует вышеописанный традиционалистский поворот в политике местной правящей верхушки. Особо отмечается, что руководимое Тан Шве первое поколение военных консерваторов Мьянмы позиционирует себя скорее в качестве преемников и наследников царей доколониального периода, нежели скромных героев национально-освободительной борьбы 1940-х гг. Подчеркивается, что по мере нарастания проблем в стране национальные элиты Мьянмы в своей текущей деятельности продолжают искать одобрения бывшего лидера военных консерваторов генерала Тан Шве – одного из самых опытных и авторитетных политиков страны.

Ключевые слова: Мьянма, армия, консерваторы, модернисты, Не Вин, Тан Шве

Стаття надійшла до редакції 05.02.2020